

Актер Михаил УЛЬЯНОВ («дедушка-снайпер»):**Если ко мне придут, я тоже возьму ружь**

В последнее время у наших артистов появился новый род кокетства. Просишь их об интервью, а они в ответ томным голосом: «Ну что вы, мне пока сказать нечего!». И, путешествуя восвояси, невольно задумаешься — как это нормальному и взрослому человеку нечего сказать? Мозги, что ли, потерял на фестивалях и презентациях?

Михаил Александрович Ульянов — фигура иного масштаба, чем все наши новоявленные капризные звездочки. Наш разговор о новом фильме Станислава Говорухина вылился в интереснейшую беседу о сегодняшней жизни.

— Перед «Сочинением ко Дню Победы» и «Ворошиловским стрелком» вы ведь давно в кино не снимались. Ролей не было или настроения?

— В девяностые годы кино рухнуло. И рухнуло так, что я вообще не знаю, как, кто и где снимался. А я к тому же был очень занят своей работой в качестве председателя Союза театральных деятелей. Тащил большой груз чиновничьих обязанностей. За это время я снялся в двух эпизодах у Михаила Пташука. Сыграл тех же коммунистов, что и раньше, борцов за светлое будущее, которые сейчас превратились в оппозицию. Начальника лагеря, который говорит: «Мы еще понадобится!»

— Как вы думаете, понадобятся?

— Картина была снята лет восемь назад, за это время многое изменилось. Мне кажется, что таких сил, которые поднимут народ, нет. Экстремистов — до черта! А вот народ за ними не пойдет.

Он уже никому не верит. Выйдет маленькая группа стариков с кастрюльками, про которых я сыграл в картине «Сочинение ко Дню Победы». Когда я углубился в эту тему, то понял, что не протестовать им нельзя. Их героическая, полная страданий жизнь оказалась перечеркнутой. А жизнь-то какая была — пайки, нехватки, репрессии... Общество делает вид, что ценит и помогает ветеранам, а на самом деле кидает им подкачки. Денег ли нет, не хотят ли их давать — мне неведомо.

— Ощущение порочности коммунистической идеологии и практики пришло к вам давно или вы тоже пережили крушение идеалов?

— Видите ли, деятели культуры всегда были более легкомысленными, но и более свободными. Они больше читали, больше разговаривали на эти темы. Я, упаси Боже, не считаю себя каким-то ниспровергателем, но в пятидесятые годы, еще при жизни Сталина, помню, как мы шепотом говорили об этих вещах в общении, боясь друг друга. Силой обстоятельств потом я стал некой знаковой фигурой власти. Хорошо знал многих. Все играли в игру — «говорю одно, думаю другое».

— Вы упомянули, что вас выбрали знаковой фигурой. Почему именно вас?

— Я об этом особенно не думал. У нас же все волонтеристски решалось. Как кому хочется, как удобнее. Я попал в члены ЦК КПСС не потому, что во все горло прославлял партию или оказался самым праведным актером. Просто им нужен был актер. Есть рабочий, есть ткачиха, нужен представитель интеллигенции. И я попался под руку. Мужик вроде наш, ни в чем не запачканный, в «Председателе» сыграл... Ника-

изнасиловали». Он берется за оружие.

Вокруг картины сейчас серьезные споры — к чему она призывает? К вендетте?

— Похоже, так.

— Да, похоже. Но ведь то, что делают три этих мальчика, три современнейших человека... Да, они современны. Для них девочку на троих поиметь — ничего особенного. И укорота на них нет. И вдруг старичок, мошка, которая поняла, что никто ей не поможет, да и не хочет помочь, начинает себя защищать. Знает, что кончит тюрьмой и гибелью, но идет. Если те, кто поправил закон, будут знать, что мошка им ответит, смею заверить, они начнут задумываться. Если ко мне придут, а я подниму руки и сламсаю — это одно. Если возьму ружье и начну отстреливаться — другое. Наказание должно быть. Кто же виноват, что государство сбросило с себя обязательство меня защищать? Если полковник милиции выгораживает своего сынка любыми способами?

— Если каждый начнет пулять из ружья, что тогда начнется?

— Почему «начнется»? Началось уже. На улице вечером страшно выйти. Кино не дает рецептов жизни, оно просто показывает, до чего можно дойти при бессилии государства. В картине даже мать дочери объясняет: «Да ладно, забудешь. У меня много мужиков было, и ничего».

НАСИЛЬНИКИ

Илья Древнов — дебютант в кино. Играет в Театре Моссвета.

Марат Башаров — самый красивый из троицы. Снялся в роли юнкера у Никиты Михалкова в «Сибирском цирюльнике».

Алексей Макаров — впервые снялся в телесериале «Страницы театральной пародии». Сыграл актрисы Любови Полищук.

«Для них девочку на троих поиметь — ничего особенного. И вдруг старичок, мошка начинает ее и себя защищать!»

кой другой причины не было. Мог бы быть кто-то другой с таким же успехом.

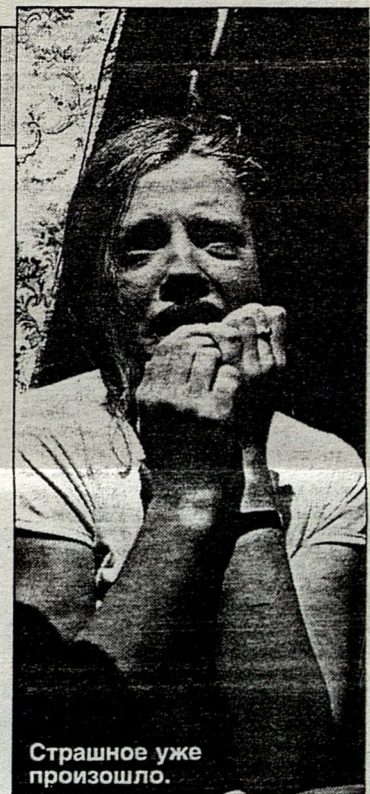
И вот я стал с ними общаться, участвовать в обсуждениях. Борцом я не был, естественно. Моего даже писка не услышали бы.

— А вам когда было комфортней — тогда или сейчас? И вообще, куда нам дальше двигаться? Как выбираться?

— Пока человечество ничего лучше не выдумало, чем демократия при строгом соблюдении законов. И феодализм, и социализм, и капитализм угнетают человека. Никуда не деться. Я спрашиваю иногда знакомых за границей и выясняю, что жизнь на Западе очень регламентированная. Мыслить можно, как хочешь, работать, как хочешь, без палки, но если гражданина обидают, государство встанет на его сторону. И никто не сможет изменить закон ни по знакомству, ни за деньги. Вот и я бы хотел жить в обществе, где на меня никто не давит, кроме закона.

— В «Ворошиловском стрелке» вы именно это пытались выразить?

— Я сыграл старика, который защищает честь и достоинство своей внучки и свои собственные. Сюжет известен — ее безнаказанно изнасиловали три мерзавца. Мой герой говорит фразу: «Они не только е... они мою душу

Страшное уже произошло.

47